

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ НОМИНАТИВНОГО ПРОЦЕССА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА)

Статья направлена на изучение когнитивного аспекта номинативного процесса, что дает возможность обосновать выбор тех или иных лексических форм при вербализации автором собственной интенции. Учитывая дискурсивный формат исследования, акцентуация ставится на комбинации когнитивных и прагматических факторов.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, когнитивный фактор, прагматический фактор, номинация, интенция, иллюкативная сила, гештальт.

Предвыборный дискурс представляет собой деятельность, локализацией которой выступает время и пространство предвыборной кампании, а также речевые образования, которые образуются в результате такой деятельности, в соединении с экстралингвистическими факторами, актуализирующими социокультурный контекст коммуникации. По мнению П. Б. Паршина, под политической речью следует понимать не только язык, а воеобразие того, как, что и кому говорит тот или иной субъект политического действия [7], поскольку основополагающей категорией оказывается контекст [20: 213]. Политика, как коммуникативный процесс, включает речь, но это не речь в узком смысле трактовки данного термина, т.е. произнесенное слово, а речь в широком понимании, что включает все методы, с помощью которых люди обмениваются символами: написанные и произнесенные слова, жесты, движения [18: 7]. Поэтому, интерпретируя предвыборный дискурс в его целостности, невозможно ограничиваться исключительно языковыми факторами. Понимание предвыборного дискурса имеет ввиду знание фона, ожиданий адресанта и адресата, скрытых мотивов, сюжетных схем и т.д., что доказывает валидность когнитивно-прагматического анализа предвыборного дискурса.

Политическая коммуникация ассоциируется с разными формами лингвистической манипуляции и стратегиями, которые делают возможным управление сознанием, а также с попытками создать видимость взаимного согласия либо сфабриковать консенсус в интересах правящих слоев общества [20: 274]. Соответственно, вербальные формы не бывают свободно выбранными, языковой выбор коррелирует с серией политических, социальных и культурных ограничений, ведь язык отражает процесс познания, выступая при этом в качестве основного средства выражения мысли [8].

Предметом исследования в данной статье выступают когнитивные механизмы номинативного процесса, характеризующего этап приобретения

интенцией иллокутивной силы, переход от гештальта к концепту и его вербализации.

Объект исследования – предвыборный дискурс, который способен представить, в силу свойственных ему характеристик, широкий спектр лексических, грамматических единиц, репрезентирующих как эксплицитные, так и имплицитные механизмы номинативных процессов.

Актуальность исследования обусловлена ростом значительности политического дискурса, в целом, и предвыборного, непосредственно, в современном демократическом обществе, в котором предвыборные кампании приобретают широкое распространение. Вместе с тем, в силу доминирования функциональной антропоцентричной парадигмы, когнитивистика в аспекте ономазиологии и семасиологии оказывается неотъемлемой составляющей.

Вопросам политического, предвыборного дискурса, их языковой составляющей и когнитивно-прагматическим аспектам порождения и восприятия речи посвящены работы: А. Н. Баранова, Д. Болинджера, Т. ван Дейка, С. А. Жаботинской, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, А. Кемпбелла, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, М. В. Пименовой, Г. Г. Почепцова, П. Серию, Д. Таннена, А. П. Чудинова, М. Шадсона, Е. И. Шейгал и других. Таким образом, **заданием** данной статьи выступает иллюстрация механизма номинативного процесса в предвыборном дискурсе и статус метафоры в этом процессе.

С семиотической точки зрения речь представляет собой комплекс из трех взаимозависимых элементов: мысли, знаний и знаков. Мысль можно представить в виде определенной деятельности, для осуществления которой используются знаки – элементы языковой системы. Знания, в свою очередь, являются потенциалом для осуществления действий [2: 68]. Слово как знак имеет определенные значения, которые сформировались до того, как осуществляется речевая деятельность, и имеет определенные характеристики, которые зависят от накопленных знаний коммуникантов. Эти знания, аккумулярованные и представленные в виде операций, служат строительным материалом для дискурса. Соответственно, знания как ментальную сущность, как общую информацию понимаем в качестве концепта, связанного знаком [6: 54]. А в когнитивной лингвистике такая общая информация связана с уровнем схемы – укорененного в мышлении образа нашего опыта, который, получив достаточное укрепление, может быть использован при продуцировании и понимании языковых выражений [14: 70]. Схематическими или обобщениями категориального плана могут быть и отдельные концепты, и структуры, которые объединяют эти концепты [4: 7]. В связи с этим, следует уточнить утверждение, что “мысль оперирует знаками”, поскольку ментальные операции, прежде всего, связаны с концептуальной сферой, а знак как элемент языковой системы представляет собой уже внешнюю форму.

Вербальные формы предвыборного дискурса продуцируются индивидуумом, который владеет набором персональных верований, убеждений, опытом, т.е. – знаниями. Рассматривая индивидуума как

представителя социума и потенциального коммуниканта, совершенно уместным является адресация к ментальным моделям, которые содержат в себе информацию о современной действительности, событиях, участниках, а также длительных знаниях о мире, что в суммарном плане формирует контекст [3: 24]. По мнению Т. А. ван Дейка, такие модели являются персональными репрезентациями (эпизодической памятью) конкретных событий, свидетелями, участниками, слушателями или читателями которых были коммуниканты. Они выполняют функцию персональной интерпретации и оценки событий. Соответственно, когда мы продуцируем или воспринимаем речь, мы используем наши ментальные модели как когнитивный базис для процесса дискурс-продуцирования или восприятия информации. В процессе семантической презентации дискурса адресант использует контекстуально релевантные пропозиции, которые изымает из набора своих ментальных моделей [20: 210]. Как отмечает Е. С. Кубрякова, при формулировании предложения используются номинативные процессы двух типов: с одной стороны, это пропозитивная номинация, связанная с выбором синтаксической схемы, с другой стороны, это номинация как такая, связанная с обозначением отдельных компонентов ситуации [5: 97–98].

Номинативная единица (слово, словосочетание или предложение) предназначена для обозначения информации, которая присутствует в мышлении говорящего, а также для активации соответствующей информации в мышлении слушателя [4: 7]. Такая номинация создает необходимые для определенной стороны коммуникативного процесса картины мира, и вместе с тем, информация, которая является значением номинативной единицы, выступает субъективным образом объективной действительности или, в когнитивных терминах, ментальным конструктом, интерпретацией объективного факта [10: 163].

These measures have helped make Texas a beacon for employers fleeing the sort of over-taxing, over-regulating and over-litigating atmosphere that has taken hold in so many other states [19].

Кандидат на пост Президента США Рик Перри в предложенном примере абсолютно эксплицитно реализует информативно-интерпретационную тактику. Тем не менее, стратегия самопрезентации представляет собой импликацию, поскольку Рик Перри – действующий сенатор Техаса, поэтому, достижения штата являются, прежде всего, его собственными. Адресант избегает открытого самовосхваления и предоставляет необходимую информацию адресату, где факты говорят сами за себя. Вместе с тем, Р. Перри остается в рамках глобальной театральной стратегии, неотъемлемой характеристикой которой является эмотивность. Вербализации эмотивности, позитивной оценке собственных действий содействует использование когнитивных метафор (*to make Texas a beacon for employers; fleeing over-taxing, over-regulating and over-litigating atmosphere*), поскольку метафоры в предвыборном дискурсе среди широкого спектра иных функций, о которых говорят А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, А. В. Степаненко, А. П. Чудинов, в том числе выполняют и эмотивную

функцию, поскольку метафора часто используется для влияния на эмоционально-волевую сферу адресата и для создания соответствующего отношения к реалиям, которые рассматриваются. Образная форма метафоры привлекает внимание адресата и способна усилить действие выражения.

В рамках когнитивной теории трактовки термина “метафора” идет ссылка на гештальт, сетевую модель, узлы которой связаны между собой отношениями разной природы и разной степени близости [11]. Метафора является основной когнитивной операцией, главенствующим способом познания и рубрикации мира. Метафора не ограничивается сферой языка, т.е. сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной мере метафоричны, понятийная система человека упорядочена и определена метафорично [9]. Метафоры как языковые выражения становятся возможными именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека [15].

Следовательно, лексема *beacon* включает следующие семы:

- a) *a signaling or guiding device, such as a lighthouse, located on a coast;*
- b) *a radio transmitter that emits a characteristic guidance signal for aircraft;*
- c) *a source of guidance or inspiration;*
- d) *a signal fire, especially one used to warn of an enemy's approach* [13].

Анализ семантического поля свидетельствует о доминировании концепта “*signal*”, “*sign*”, при этом данный концепт, ментальный образ в зависимости от домена использования может приобретать негативную оценку (в значениях *a*), *b*), *d*), где символизирует опасность) либо позитивную оценку (в значении *c*), где символизирует вдохновение или покровительство). Количественное преобладание сем, маркирующих негативную оценку, и та аргументация, которую предоставляют этимологические словари [12], свидетельствует в пользу первичности значений лексемы *beacon*, которые передают концепт “*signal*”, “*sign*” с негативной оценкой, а позитивная оценка представляет собой уже вторичное наложение значения. Тем не менее, со всей концептуальной базы концепт “*signal*”, “*sign*” с позитивной оценкой оказывается профилирующим [16: 66] в предложенном примере. Такая метафора создается, прежде всего, для того, чтобы перенести эмоциональное отношение реципиента к понятию-источнику (*beacon*) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова (*Texas*). Взаимодействие двух разных классов денотатов создает основной признак метафоры – ее семантическую двойственность, при этом свойства одного класса объектов отбираются в соответствии с их совместимостью с другим классом и сравниваются [1: 21–22]. Профилирование “покровительства, охраны, защиты” в рамках концептуального пространства слова *beacon* и сравнение с ним штата Техас относительно деятельности работодателей символизирует патрональное отношение адресанта к своему делу, своим избирателям и сторонникам, что интенционально Р. Пери и стремился донести.

Во второй метафоре (*fleeing over-taxing, over-regulating and over-litigating atmosphere*), с точки зрения ментальных моделей, привлекает

внимание авторский выбор лексических единиц *fleeing* и *atmosphere* в рамках деятельности все тех же работодателей. Если глагол *to flee* уходит корнями в период существования староанглийского языка (*O.E. fleon "take flight, fly from, avoid, escape"* [12]), вербализируя концепт "*to run away*", который остается базовым, закрепленным за данной лексической единицей на сегодняшний день (*a) to run away, as from trouble or danger; b) to pass swiftly away; vanish* [17: 610]), то существительное *atmosphere*, представляя заимствование из греческого и латинского (*Greek "atmos", "vapor" + Latin "sphaera"* [12]), приобрело многочисленных семантических наслоений:

a) *the gaseous mass or envelope surrounding a celestial body, especially the one surrounding the earth, and retained by the celestial body's gravitational field;*

b) *the air or climate in a specific place;*

c) *a unit of pressure equal to the air pressure at sea level. It equals the amount of pressure that will support a column of mercury 760 millimeters high at 0 degrees Celsius under standard gravity, or 14.7 pounds per square inch (1.01325×10^5 pascals);*

d) *a dominant intellectual or emotional environment or attitude;*

e) *the dominant tone or mood of a work of art;*

f) *an aesthetic quality or effect, especially a distinctive and pleasing one, associated with a particular place* [13].

В каждом из предложенных значений фигурирует концепт "*minimal particle constituting or filling the whole body*", тем не менее, в зависимости от фреймовых составляющих концептуальное пространство варьируется от материального плана (значения *a), b))* до абстрактного (значение *c))* либо духовного (значения *d), e), f))*. Соответственно, адресант выбирает данные лексические единицы (*to flee* та *atmosphere*) при формулировании когнитивной метафоры, руководствуясь именно базисом, основой концептуального пространства, которая стоит за внешней формой.

В процессе мыслительной деятельности аналогия играет не менее важную роль, чем формализованные процедуры рационального мышления. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек пытается использовать для осмысления элементы какой-то знакомой и понятной сферы. При метафорическом моделировании политической сферы, которая отличается высокой степенью абстракции, говорящий использует более простые, конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо известны [11]. Таким образом, ментальная модель чего-то всеобъемлющего, вездесущего соизмерима с такими экономическими и политическими проблемами как чрезмерные налоги, бюрократия, судовые иски, с которыми сталкиваются предприниматели. Такая ментальная модель требует вербального воплощения за счет лексической единицы, которая бы имела ввиду как безграничное пространство, так и мельчайшую составляющую этого пространства, а непреодолимость таких проблем требует немедленного бегства. В результате, вербальное воплощение поставленной ментальной модели в форме метафоры *fleeing over-taxing, over-regulating and over-*

litigating atmosphere является единственно возможным и максимально точным, отвечая интенции адресанта.

Когнитивно-прагматические процессы являются неразделимым целым, где ментальные модели перерастают в интенции, приобретая иллюкативную силу, концептуализируясь и, в конце-концов, вербализуясь. Ментальные модели всегда имеют личную (субъективную, идеологически обусловленную) презентацию коммуникативной ситуации, которая выполняет роль корректирующего элемента в процессе дискурсивной практики. Соответственно, в силу доминирования личностного подхода в аспекте лингвистических исследований поле дальнейшей исследовательской деятельности оказывается безграничным, затрагивая не только когнитивно-прагматические тенденции современной лингвистики, а и выходя на сравнительно-исторический, структурный анализы, что способствует всестороннему изучению языкового материала в рамках той или иной дискурсивной практики.

Литература:

1. Бублик И. Ф. Метафорические модели реализации вербальной агрессии в политическом дискурсе ФРГ / И. Ф. Бублик // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». – 2010. – № 928. – Випуск 63. – С. 21–26.
2. Грачев Г. В. Манипулирование личностью : организация, способы и технологии информационно-технологического воздействия / Г. В. Грачев, И. К. Мельник. – М. : ИФ РАН. – 1999. – 342 с.
3. Даньшина Е. В. Стратегии и тактики американского предвыборного дискурса / Е. В. Даньшина // Вісник СумДУ. Серія «Філологія». – 2007. – № 1. – Том 2. – С. 24–28.
4. Жаботинская С. А. Лингвокогнитивный подход к анализу номинативных процессов / С. А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». – 2010. – № 928. – Випуск 63. – С. 6–20.
5. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 157 с.
6. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
7. Паршин П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики / П. Б. Паршин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа к сайту : <http://www/elections/ru/biblio/parshin/htm/Архив> 23 марта 1999.
8. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Введение : учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М. : Флинта – Наука, 2011. – 125 с.
9. Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России : дис. ...

- кандидата филол. наук : спец. 10.02.20 / Стрельников Александр Михайлович. – Екатеринбург, 2005. – 177 с.
10. Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и экспериментирования в понимании мышления / У. Чейф [пер. с англ. Е. В. Прозоровой] // Компьютеры, мозг, познание : успехи когнитивных наук. – М., 2008. – С. 162–179.
 11. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа к сайту : <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>
 12. Этимологический электронный словарь on-line – [Электронный ресурс]. – Режим доступа к сайту : <http://www.etymonline.com/>
 13. English on-line Encyclopedia – [Electronic resource]. – Access : <http://www.answers.com/topic/>
 14. Kemmer S. Schemas and lexical blends / S. Kemmer // Motivation in language : Studies in honour of Gunter Radden. – New York, 2003. – P. 69–97.
 15. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
 16. Langacker R. W. Cognitive grammar. A basic introduction / R. W. Langacker. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
 17. Longman Dictionary of Contemporary English / [director Della Summers]. – 4th edition. – Edinburgh : Pearson Education Limited, 2005. – 1950 p.
 18. Nimmo D. P. Political communication and public opinion in America / D. P. Nimmo. – Santa Monica : University of Tennessee, Goodyear Publishing Company, 1978. – 465 p.
 19. Page of Rick Perry [Electronic resource]. – Access : <http://www.rickperry.org/>
 20. Van Dijk T. A. Political discourse and ideology / T. A. Van Dijk // Doxa communication. – 2001. – № 1. – P. 207–225.

Попова Е. В. Когнитивные механизмы номинативного процесса (на материале предвыборного дискурса) [Текст] / Е. В. Попова // Мир языка: сборник научных статей [отв. соред. Г. Н. Кенжебалина, М. В. Пименова]. – Павлодар-Кемерово-Витебск: Кереку, 2012. – Вып. 1 – С. 212–218.